Мира
и забытая звезда

Алёна Фоминых

Алёна Фоминых

Мира и забытая звезда

https://litres.ru/74851152
SelfPub; 2026

Аннотация

На Урале говорят, что горы когда-то были Великим Полозом, который лёг и окаменел, а в старых копях до сих пор лежат камни, которые светятся изнутри. Двенадцатилетняя Мира в это верит. В классе смеются над её альбомом с драконами, но Мира знает: драконы были. Просто ушли.

Свой камень она находит на осенней ярмарке. Мутный, побитый аметист, на который никто не взглянул бы дважды. Но он тёплый, как живой. С той ночи Мире снится драконица с яйцом, а в голове поселяется ворчливый голос. Это Пит, молодой дракон, которого сторонятся даже свои. Он подсказывает Мире на контрольных и терпеть не может, когда она поёт.

А ещё Пит гаснет. Кончик его хвоста стал прозрачным, и в созвездии Дракона одна за другой исчезают звёзды. Их осталось восемь.

Чтобы спасти друга, Мире придётся найти дорогу в мир, куда ушли драконы. И не отдать свой камень человеку в сером пальто, который следит за ней с самой ярмарки.

Уральская сказка для тех, кто тоже верит, что драконы где-то есть.

Содержание

Глава 1. Сорок третий сон 5
Глава 2. В шее у чудовища 18
Глава 3. Гром что-то учуял 26
Глава 4. Гроза Пирита 35
Глава 5. Тебе туда нельзя 43
Глава 6. Хвост 55
Глава 7. Тринадцать 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Мира и забытая звезда

Книга первая

Моей дочке Мире, которая любит драконов больше всего на свете

Эту сказку я придумала для тебя. А теперь пусть её прочитают и другие.

Мама

Глава 1. Сорок третий сон

Ветер был ледяной и такой сильный, что резал глаза.

За спиной тяжело, мощно, в такт сердцу ходили крылья. Внизу лежали горы, острые, как разбитое стекло, и в лунном свете они сверкали. Над замёрзшим озером на миг мелькнуло отражение: длинная шея, чешуя, фиолетовая с серебром, и глаза. Древние, очень усталые глаза.

Она прижимала к груди что-то круглое и тёплое. Осторожно. Если уронить, всё кончится.

А позади были огни. Цепочка холодных огней, которая не отставала, как быстро она ни летела. И голоса, только не драконьи, а человеческие.

Она свернула вниз, туда, где под горами раскинулся огромный город с золотыми крышами, нырнула в узкую тёмную щель между камнями и бережно опустила свою ношу на землю. Яйцо. Тёмное, с фиолетовыми прожилками.

Внутри что-то шевельнулось.

«Живи, — сказала она без голоса. — Не ищи нас. Однажды ты услышишь».

А потом внутри неё что-то тихо порвалось, как нитка. Маленький кусочек её света сорвался и полетел прочь, далеко-далеко, туда, где кончалось небо.

Огни стали ближе.

* * *

Мира открыла глаза.

Темно. На телефоне 6:47, до будильника тринадцать минут. Стекло по краям за ночь затянуло ледяными узорами.

Подушка была мокрая. Опять.

Она перевернула её сухой стороной и уставилась в потолок. Одеяло сползло, ступни заледенели, а кулон на шнурке грел ключицу, ровно и спокойно.

Сорок третий раз. Мира считала.

Сон всегда был один и тот же. Ну, почти: иногда в нём появлялись изгиб реки, башня, чей-то силуэт на краю крыши. Но горы, огни, яйцо и слова на языке, которого не существует, были всегда. Мира этот язык почему-то понимала. И каждый раз просыпалась с мокрыми щеками, хотя из-за снов плачут только маленькие. А ей скоро тринадцать.

Альбом лежал на столе, толстый, с разлохмаченным корешком. Мира, и не открывая, знала, что там. Горы. Золотые крыши. Фиолетовый глаз, раз двадцать, и с каждым разом всё лучше, как будто рука помнила его сама. Яйцо в щели между камнями, на каждом рисунке. А на каждом яйце маленькая звёздочка с длинным, как у кометы, хвостом. Во сне Мира её ни разу не видела. А рисовала почему-то всегда.

Всё это началось после ярмарки.

* * *

В середине сентября на площади у Дома культуры, как каждую осень, устроили ярмарку: мёд, пуховые платки, пирожки и, конечно, камни. В Тальянске камнями торговали

все, кому не лень, хоть с капота машины.

На одном прилавке стоял Великий Полоз из тёмно-зелёного камня-змеевика, с такой мордой, будто он только что с кем-то подрался и победил. Мира показала ему большой палец. Змей, конечно, не ответил. Драконы вообще не отвечают. Их же нет.

«Сейчас нет, — поправила она себя. — Это разные вещи».

Потому что раньше они были, в этом Мира не сомневалась. Драконы есть в китайских легендах, в уральских сказах, на старинных картах, в сказках народов, которые никогда друг с другом не встречались. Не могли же все люди на Земле выдумать одно и то же. Значит, были. Просто куда-то делись.

Соседний прилавок блестел. На чёрном бархате лежали камни: розовые, как жвачка, зелёные, медовые, полосатые, прозрачные. Продавщица, девушка в огромных наушниках, оторвалась от телефона:

— Тебе когда день рождения?

— Пятнадцатого декабря.

— Стрелец? — Девушка придвинула к Мире деревянный ящичек. — Тогда аметист. Или бирюза, я вечно путаю. Бери аметист, он красивее.

Аметисты лежали вперемешку: светлые, почти розовые, и тёмные, гладкие, гранёные, в серебре. Мира пошуршала в них пальцем. Все до одного красивые, нарядные, и все, конечно, кому-нибудь достанутся.

А на самом дне, в углу, лежал один, который не достанется никому.

Мутный, неровный, со сколом на боку. Медная оплётка вокруг камня потемнела, а шнурок был такой разлохмаченный, словно его жевала собака. Мира даже подумала, не Гром ли тут побывал.

Она взяла его, потому что его никто не возьмёт. Просто поэтому.

А камень оказался тёплым.

Пальцы у Миры задубели на ветру, а камень грел ладонь, как если бы его только что держал кто-то другой. На свету в мутной глубине вспыхивали искры.

За спиной кто-то остановился. Мира обернулась. Высокий мужчина в длинном сером пальто, без шапки, хотя ветер был ледяной. Он смотрел не на неё, а на камень у неё в ладони. Смотрел так, как Гром смотрит на колбасу. На пальце у него был перстень с мутным серым камнем, по которому шла трещина.

— Старый, — сказал он негромко, ни к кому не обращаясь. — С копей, наверное.

Продавщица пожала плечами, не снимая наушников. Мужчина постоял ещё секунду, улыбнулся Мире одними губами и ушёл в толпу. Мира почему-то крепче сжала кулак.

Мама с пакетом пирожков заглянула ей через плечо. Она работала в Тальянском музее самоцветов и в камнях разбиралась лучше всех продавцов на этой ярмарке. Про каждый

камень в музее она знала историю: кто нашёл, где, кому он принёс удачу. А ещё она с ними разговаривала. Не всерьёз, конечно. Но, протирая витрины, всегда говорила какому-нибудь гранату: «Ну что, красавец, не скучаешь?» Мира лет до семи думала, что так делают все.

— Мирослава, у тебя дома целая коробка аметистов. В Тальянске их любой ребёнок бесплатно во дворе найдёт. Ты собираешься платить за то, что у нас под ногами валяется?

— Таких нет.

— Ну так возьми хотя бы красивый. Этот же весь побитый.

— Этот тёплый. Потрогай.

Мама потрогала. Задержала пальцы на камне чуть дольше, чем нужно, и пожала плечами.

— Нагрелся.

— Остальные не нагрелись.

Полностью её звали Мирослава. Так её называла только мама, и только когда Мира что-то натворила или как раз собиралась. Сейчас было второе. Для всех остальных, и для себя самой, она была Мира.

Девушка назвала цену. Мама подняла брови. Мира поняла, что сейчас решается всё, и пошла ва-банк:

— Я неделю буду без телефона. Совсем. Клянусь.

Кулон купили. А всю следующую неделю Мира не трогала выключенный телефон в ящике стола, хотя класс переписывался в чате, а Макар звал в игру. Это было труднее, чем

молчать, когда в классе смеются.

Первый сон пришёл той же ночью. Мира проснулась оттого, что мама сидела на краю кровати и гладила её по голове.

— Ты плакала во сне.

— Я не плакала.

Щека была мокрая. Кулон в кулаке был горячим.

А ещё днём, когда они вернулись с ярмарки, Гром, как всегда, повалил её на коврик, облизал лицо, уши и немного шапку, а потом сунул нос ей под шарф, туда, где висел кулон, и замер. Понюхал. Чихнул. И тихо, совсем не по-собачьи, заскулил.

Он и сейчас иногда так делает.

Про сны Мира никому не рассказывала. Маме нельзя: мама сразу начнёт волноваться, а потом поведёт к врачу, и врач скажет, что это просто сны. А это были не просто сны. Больше рассказывать некому. А в классе за такое…

Мира поморщилась. Про класс думать не хотелось. Особенно до будильника. Особенно в понедельник.

* * *

Будильник всё равно зазвонил. Ровно в семь, как всегда.

Живот скрутило сразу, ещё до того, как она спустила ноги на пол. Так было почти каждое утро, особенно по понедельникам: внутри завязывался тугой узел. Горло не болит, температуры нет, контрольной нет. Причин не идти никаких, кроме одной, а эту причину маме не объяснишь.

Она проверила рюкзак. Альбом на месте. Застегнула, рас-

стегнула и проверила ещё раз. Через минуту снова потянулась к молнии и отдёрнула руку.

На кухне пахло какао и подгоревшим тостом. Максим, мамин муж, опять уехал в командировку, и было непривычно тихо. Гром сидел у маминых ног с видом собаки, которую не кормили с прошлого века.

— Доброе утро, — сказала мама. — Давай косичку заплету? Быстренько, две минуты.

— Нет.

— Мира, ну хоть хвост. Волосы же в тарелку лезут.

— Не лезут.

Волосы немедленно полезли в какао. Мира сделала вид, что так и задумано. Мама вздохнула, но спорить не стала, только посмотрела на неё внимательнее, чем Мире хотелось бы.

— Ты опять плохо спала?

— Нормально спала.

Она спрятала лицо в кружку. Под столом Гром положил голову ей на колено, тяжёлую и тёплую. Он всегда знал, кому сейчас хуже всех.

* * *

На улице было черно и звёздно, ресницы склеивались от мороза. Тальянск, маленький уральский город между лесом и горой, ещё спал. Когда-то здесь добывали аметисты, и старики рассказывали, что в копях на горе Тальян стены светились фиолетовым. Мирин дед как-то принёс оттуда камень,

который горел в темноте без всякой лампы. Теперь входы в копи заколотили досками и детям строго-настрого запрещали туда соваться. Поэтому туда тянуло всех. Только тянуло: дальше досок мало кто совался.

Когда Мира дошла до школы, из-под шапки торчали белые от инея пряди. Школа светилась впереди всеми окнами сразу.

У крыльца стояла белая машина Каролининой мамы. Сама мама, в белой шубе, перетягивала Каролине хвост, туго, прямо на морозе, и что-то зло выговаривала ей сквозь зубы. Каролина стояла не шевелясь. Мира отвела глаза и прошла мимо. Было неловко: она подсмотрела что-то чужое.

Эти трое стояли у зеркала в раздевалке. Как всегда.

Каролина посередине, Даша и Света по бокам. Три одинаково гладких хвоста, три одинаковых бежевых свитера, и над всем этим облако клубничного блеска для губ, от которого у Миры каждый раз чесался нос. Только лак на ногтях у Каролины был обгрызен по краям. Ногти она грызла, когда думала, что никто не видит.

— О, — сказала Каролина, не оборачиваясь, а глядя на Миру в зеркало. — Лохматая пришла.

Даша хихикнула. Света хихикнула на полсекунды позже. Она всегда смеялась на полсекунды позже и всегда ходила за кем-нибудь хвостиком.

Мира молча прошла к своему крючку. Каролина развернулась, как бы случайно, и плечом толкнула её так, что Мира

влетела спиной в чужие куртки. Вешалка качнулась, сверху шлёпнулась чья-то шапка.

— Ой, — сказала Каролина. — Не заметила. Тебя за волосами не видно.

Теперь засмеялись все трое. Хором.

Мира выпрямилась. Повесила куртку. Медленно. Сняла шапку. Стряхнула с волос иней, так что пара ледяных крошек отлетела прямо на Каролинин гладкий хвост. Не специально. Почти.

И пошла к лестнице, не сказав ни слова.

Внутри у неё всё кипело. Щёки горели, в горле стоял ком, и где-то очень глубоко маленький противный голос шептал: «Сейчас заплачешь. Прямо здесь. И все увидят».

«Не дождётесь», — сказала Мира этому голосу. И не заплакала.

На первом уроке Макар, как всегда, ткнул её ручкой в спину с задней парты: «Завтра после бассейна реванш?» Макар был не то чтобы другом, скорее приятелем. Они вместе ходили в бассейн по вторникам и четвергам и гоняли в одну игру на телефоне, где Макар всегда проигрывал и всегда требовал реванша. Он никогда её не задирал.

* * *

На перемене после третьего урока она сидела на своём подоконнике в конце коридора и рисовала Грома с драконьими крыльями и выражением глубочайшего достоинства на лохматой морде. Узел в животе понемногу развязывался.

Когда Мира рисовала, мир становился тише.

Поэтому она не услышала, как они подошли.

Каролина выдернула альбом у неё из рук.

— Опять драконы, — скучно сказала она и достала телефон. — Тебе вообще сколько лет?

— Отдай.

Каролина не отдала. Она сфоткала разворот с крылатым Громом, потом ещё раз, покрупнее, и что-то быстро набрала. У Миры в кармане прожужжал телефон. Потом ещё раз. И ещё.

В чате класса висела фотка её рисунка. Под ней Каролина написала: «наш художник снова в деле», а Даша прилепила стикер с котом, который рыдает от смеха. «ну и кринж», — написал кто-то из мальчишек. Пять реакций. Восемь. Двенадцать.

По коридору прокатилось хихиканье: телефоны были у всех.

Самое обидное, что рисунок был хороший. Мира это знала. Мама говорила, что Каролина просто завидует, но так говорят все мамы.

Легче от этого не становилось. Хотелось провалиться сквозь подоконник.

Она спрыгнула вниз и посмотрела Каролине прямо в глаза.

— Фоткай-фоткай, — сказала она. — Хоть что-то красивое у тебя в галерее будет.

Кто-то в коридоре хмыкнул. Потом ещё кто-то. Даша открыла рот, посмотрела на Каролину и на всякий случай закрыла. Каролина начала краснеть, медленно, от шеи вверх, пятнами.

— Лин, удали. И альбом отдай.

Это был Макар. Он стоял у стены, засунув руки в карманы, и смотрел на Каролину со скучающим видом.

Каролине нравился Макар. Это знал весь класс. Только самому Макару до этого не было никакого дела.

Каролина сунула альбом Мире в руки, так резко, что угол больно ткнулся в живот.

— Да пожалуйста. Нужны мне твои каракули.

Фотка из чата исчезла. Но двенадцать человек её уже видели.

— Мир, завтра в бассейн идёшь? — спросил Макар, как будто ничего не случилось.

— Иду, — сказала Мира.

Каролина посмотрела сначала на него, потом на неё. И улыбнулась.

— Ну-ну, — сказала она тихо.

Мира знала эту улыбку. Ничего хорошего она не обещала.

Когда они ушли, сердце у Миры стучало в ушах, дышать приходилось часто, а по телу гуляла горячая звенящая злость. Руки не дрожали, они у неё вообще никогда не дрожали. Дрожало что-то глубже, где не видно.

Она сжала кулон через свитер. Камень был тёплый. Сразу

стало чуть легче.

Это было глупо, конечно. Это просто камень.

Но она держала его до самого звонка.

* * *

Вечером, когда мама ушла в ванную, а Гром развалился поперёк её кровати, заняв ровно три четверти, Мира выключила свет и подошла к окну.

Над чёрным лесом и горбатой спиной горы Тальян горели звёзды, мелкие и колючие. Мира знала их наизусть.

Первым делом она, как всегда, нашла Дракона. Это созвездие она выучила раньше всех: какая же любительница драконов не знает собственного созвездия. Длинное, извилистое, оно тянулось над антенной соседнего дома и обвивало Малую Медведицу.

Только что-то было не так.

Мира придвинула к окну телескоп с облезлой наклейкой-ракетой на трубе, папин подарок на десятилетие. Папа жил в другой стране и, когда звонил по воскресеньям, первым делом спрашивал: «Ну, что нашла на небе?» Мира навела трубу на кончик драконьего хвоста. Потом открыла альбом на странице, где ещё в сентябре зарисовала этот кусок неба, и сравнила.

Вот здесь, на самом кончике хвоста, должна была быть звезда. Маленькая, неяркая. Была.

Сейчас там было пусто.

— Гром, — шёпотом сказала Мира. — Ты видишь?

Гром не видел. Он поднял голову, уставился в окно и зарычал, тихо и низко, всем своим лохматым телом. Никогда раньше он так не рычал.

Мира проследила за его взглядом.

Там были только лес и гора. Чёрные ели, белые скалы, среди которых прятались старые заброшенные копи. Обычный снег.

Только звёзды над самой высокой скалой мигнули. Не одна, а сразу целая полоска, слева направо. И зажглись снова. Гром зарычал тише и не отворачивался от окна, пока все звёзды не вернулись на место.

Только с самой высокой скалы сорвалась снежная шапка и медленно поползла вниз по склону. Будто оттуда только что кто-то взлетел.

Кто-то очень большой.

Глава 2. В шее у чудовища

В следующий понедельник автобус в Екатеринбург уходил в восемь, и к восьми ноль пяти Мира уже пожалела, что вообще встала с кровати.

Планетарий. Целый день с классом. Два часа туда, два обратно, и всё это время в одной консервной банке с Каролиной.

Она заняла место у окна в самом конце. Макар плюхнулся через проход, и через минуту Мире пришло уведомление: «реванш?» Впереди обернулась Каролина, посмотрела на Макара, потом на Миру и отвернулась так резко, что хвост хлестнул Свету по носу.

За окном тянулись леса. Чёрные ели, белое небо, и вдоль всего горизонта горы: невысокие, старые, сглаженные, как спина огромного зверя, который лёг поспать да так и не проснулся.

— А кто знает, откуда взялись Уральские горы? — Ирина Викторовна, их классная, встала в проходе, держась за поручень. Она обожала превращать любую поездку в урок. — Нет, не про тектонические плиты. Что говорят старые сказки?

Тишина. Только Сеня Сомов на заднем сиденье зашуршал пакетом чипсов, поймал взгляд Ирины Викторовны и молча убрал пакет в рюкзак.

— Великий Полоз, — сказала Мира, не отрываясь от окна. Слово вырвалось само: бабушка Галя рассказывала ей про Полоза каждое лето.

— Молодец, Мира! — Ирина Викторовна просияла. — По старым уральским поверьям, Великий Полоз, хозяин всего золота, однажды лёг и окаменел. И стал горами. Так что мы с вами, можно сказать, едем вдоль его спины.

— Фу, — громко сказала Даша. — То есть мы живём на змее?

— На драконе, — тихо поправила Мира.

Никто не услышал. Кроме Каролины, конечно. Каролина всегда слышала то, что не надо.

— Мира у нас эксперт по драконам, — пропела она на весь автобус. — Она их рисует. Со своей собакой.

Захихикали. Мира не обернулась. Она смотрела на горы и думала: а если под этими скалами правда лежит кто-то огромный и просто очень давно спит?

* * *

Планетарий оказался круглым и белым, как яйцо, которое кто-то положил посреди города. Мира даже остановилась на ступеньках. Яйцо. Почти как во сне. Только огромное.

— Мир, ты чего встала? — Макар подтолкнул её в спину. — Давай, а то застрянем в гардеробе.

В гардеробе они всё равно застряли: двадцать пять курток, двадцать пять шапок и Даша, которая умудрилась потерять номерок ещё до того, как его получила.

В зале было темно и прохладно, кресла откидывались почти лёжа. Мира устроилась в последнем ряду, Макар рядом. Каролина через два кресла. Даже здесь.

Свет погас.

И над ними раскрылось небо.

Мира забыла про Каролину, про автобус, про всё. Это было её небо, то самое, что она каждый вечер видела из окна, только огромное и ясное. Звёзд было столько, что купол, казалось, сейчас прогнётся под их весом.

— Добрый день, — сказал из темноты весёлый голос экскурсовода. — Меня зовут Денис. Сегодня у нас осеннее небо и одна очень старая история: про хвастливую царицу, чудовище и героя.

Луч указки скользнул по звёздам и нарисовал на куполе букву W.

— Это царица Кассиопея. Очень любила покрасоваться. Однажды заявила, что она красивее всех морских красавиц, и разозлила самого бога морей.

Слева от Миры тихонько хмыкнул Макар. Мира скосила глаза: он смотрел на купол, а потом медленно, со значением, повернул голову в сторону Каролины. Каролина в темноте смотрелась в экран телефона и поправляла волосы. Мира прикусила губу, чтобы не засмеяться.

— И бог морей наслал на царство чудовище, — продолжал Денис. Луч метнулся вниз, к длинной россыпи тусклых звёзд. — Вот оно. Кит. Чтобы чудовище ушло, ему решили

отдать царевну Андромеду. Хвасталась мать, а отвечать пришлось дочери. Но тут прилетел герой Персей. Он показал чудовищу голову Медузы Горгоны, от взгляда которой всё превращалось в камень, и чудовище окаменело. Андромеда спасена, все счастливы.

«Победил, — сказал кто-то. — Как же».

Мира вздрогнула.

Голос прозвучал прямо у неё в голове. Не в ушах, а внутри, как собственная мысль, только это была не её мысль. Низкий, хрипловатый, ужасно недовольный голос. И он фыркнул. Она могла поклясться, что слышала, как он фыркнул.

Самое страшное, что такое уже было. Последние недели, засыпая, Мира иногда слышала на краю сна чьё-то бормотание, далёкое, как радио за стенкой у соседей. Она списывала это на недосып. А сейчас сосед открыл дверь.

Мира резко села в кресле.

— Ты чего? — шёпотом спросил Макар.

— Ты слышал?

— Что?

— Голос.

Макар посмотрел на неё в темноте.

— Ну. Дениса. Он, вообще-то, в микрофон говорит.

Мира медленно легла обратно. Сердце бешено стучало. Показалось. Конечно, показалось. Она плохо спала, она устала, в автобусе укачало. Бывает.

— А потом всех героев этой истории поместили на небо, — весело сказал Денис. — Даже чудовище. Чтобы люди помнили.

«Чтобы люди помнили враньё», — буркнул голос.

На этот раз Мира не дёрнулась. Она лежала неподвижно и смотрела в купол, и по спине у неё пробежал холодок. Кулон под свитером стал горячим.

— А теперь самое интересное, — сказал Денис. — Посмотрите сюда.

Луч указки остановился на шее Кита. Там, где сходились две линии из тусклых точек, было пусто.

— Здесь живёт одна из самых удивительных звёзд на всём небе. Её так и назвали: удивительная. По-латыни Мира.

Весь класс, как по команде, обернулся на последний ряд. Мира почувствовала на себе два десятка взглядов и захотела провалиться сквозь кресло.

— Ой, — громко сказала Каролина. — Мира у нас живёт в шее у чудовища! Ну, логично.

Засмеялись все. Даже те, кто обычно не смеялся.

Денис кашлянул в микрофон.

— Вообще-то, это большая честь, — сказал он. — Мира — особенная звезда. Примерно раз в одиннадцать месяцев она тускнеет так сильно, что её почти не видно. Когда она впервые пропала с неба, астрономы решили, что звезда погибла. А она взяла и вернулась. С тех пор так и делает: гаснет и возвращается. Сейчас у неё как раз тёмная фаза, на насто-

ящем небе её не найти. А ещё у неё есть хвост, как у кометы, и маленькая соседка, которая всегда рядом.

Смех стих. Мира смотрела на пустое место в шее Кита.

Гаснет и возвращается.

Странное чувство: кто-то только что рассказал про неё секрет, которого она сама про себя не знала.

— А теперь найдём самое длинное созвездие северного неба, — сказал Денис, и луч пополз вверх. — Видите, вот эта извилистая цепочка, которая обвивает Малую Медведицу? Это Дракон.

Мира знала. Она нашла бы его с закрытыми глазами.

— Очень древнее созвездие, — сказал Денис. — Когда-то по нему находили дорогу. А сейчас про Дракона мало кто вспоминает, все ищут Медведиц.

«Хоть кто-то помнит», — тихо сказал голос.

Голос стал уже не сердитым, а грустным.

Мира смотрела на Дракона на куполе. Здесь, в планетарии, он был целым: длинный хвост, все звёзды на месте, и на самом кончике хвоста горела маленькая неяркая точка. Та самая, которой больше не было в её окне.

«Это же просто проектор, — подумала Мира. — Он показывает то, что астрономы знают заранее. А про Дракона никто ничего не знает».

Тогда, сама не понимая зачем, она подумала изо всех сил, так громко, как только можно подумать:

«Кто ты?»

Тишина.

Долгая, полная тишина. Денис что-то рассказывал про Большую Медведицу, кто-то шуршал фантиком, Макар тихо зевнул. А в голове у Миры было пусто, как в телефоне, когда на том конце замолчали, но трубку не положили.

А потом голос сказал, медленно, с ужасом:

«Ты… меня слышишь?»

И исчез.

Не замолчал, а именно исчез: Мира почувствовала это совершенно ясно. Кулон на груди начал медленно остывать.

* * *

Всю дорогу домой она молчала. Макар пару раз звал её в игру, потом пожал плечами и уснул, привалившись к окну.

Она смотрела в тёмное окно, на чёрные горы под звёздами, и думала.

Вариантов было два.

Первый: она сходит с ума. Голоса в голове, тёплые камни, звёзды, которые пропадают только из её окна. Тогда мама всё-таки поведёт её к психологу, и, наверное, будет права.

Второй вариант был хуже.

Второй вариант был такой: она не сходит с ума.

Тогда получается, что у неё в голове кто-то есть. Не внутри, а как бы за стенкой. Как сосед, которого ты ни разу в жизни не видела, но слышишь, как он ходит, ворчит и роняет кастрюли. И отделаться от него невозможно, потому что стенка общая.

Судя по тому, как он сказал «ты меня слышишь», он был в таком же ужасе, как она.

Дома Мира первым делом вышла на балкон, прямо в носках, и нашла на небе Кита: длинную тусклую россыпь низко над горой. Голову. Хвост. Шею.

Звезды там не было. Тёмная фаза. Как и сказал Денис.

— Я знаю, что ты вернёшься, — шёпотом сказала Мира пустому месту на небе. И сама удивилась, как это прозвучало. Будто она говорила не со звездой.

Гром ткнулся носом ей в ногу и заскулил: холодно, домой, ты что, с ума сошла.

Она вернулась в комнату, залезла под одеяло с головой и долго лежала с открытыми глазами. В голове было тихо. Совсем тихо.

Но, засыпая, Мира всё-таки подумала, так громко, как только могла:

«Слышу».

И ей показалось, что за той самой общей стенкой кто-то затаил дыхание.

Глава 3. Гром что-то учуял

Следующие четыре дня Мира жила как в квартире с очень шумным соседом.

Голос появлялся, когда хотел, ни с того ни с сего: посреди урока, посреди ужина, посреди чистки зубов. Иногда это было просто бормотание, а иногда отдельные слова, совершенно отчётливые и совершенно дурацкие.

Во вторник, на контрольной по математике, Даша, которая ездила на все олимпиады и решала такое в уме, сдала работу через десять минут. А Мира в третий раз пыталась вычесть из пяти шестых три восьмых, когда голос раздражённо сказал:

«Двадцать четыре. Общий знаменатель двадцать четыре. Сколько можно».

Мира от неожиданности так дёрнула ручкой, что перечеркнула полстраницы. Двадцать четыре, кстати, было правильно.

В среду в столовой, когда Мира без всякого аппетита ковыряла котлету, в голове кто-то тоскливо протянул: «Рыбы бы…» И Мире до ужаса захотелось рыбы, хотя рыбу она терпеть не могла.

В четверг в бассейне голос появился прямо посреди контрольного заплыва. Мира шла на последних метрах, на полкорпуса впереди Макара, и тут в голове кто-то брезгливо ска-

зал: «Мокро. Хлорка. Фу». Мира хлебнула воды, закашлялась и приплыла второй. Макар потом полчаса ходил гордый и требовал записать эту победу в историю.

«Это ты виноват», — подумала Мира в пустоту. Пустота не ответила. Но Мире показалось, что она ухмыляется.

А в четверг вечером, когда она лежала в темноте и тихонько напевала под нос, чтобы уснуть, голос не выдержал:

«Ты можешь не петь? Пожалуйста. Я тебя очень прошу».

— Это ты можешь не лезть ко мне в голову! — шёпотом рявкнула Мира в потолок.

Тишина. Потом обиженное:

«Это ты ко мне лезешь».

И всё. Больше ни слова до самого утра.

Рассказать было некому. Мира набрала в поисковике «слышу чужой голос в голове», прочитала первую строчку и быстро закрыла вкладку.

Нет. Она не сумасшедшая. Те, у кого правда беда с головой, вряд ли находят общий знаменатель с первого раза.

Логика была так себе, но Мире стало легче.

* * *

В субботу Мира с Громом полдня провалялись дома. Максим, вернувшийся из командировки, дважды споткнулся о Грома в коридоре, громко высказался про «этот зоопарк» и тут же полез чесать ему пузо. А мама не выдержала.

— Идите погуляйте, а то оба весь день дома сидите. Хоть воздухом подышите. Только до леса и обратно. Слышишь?

К копям не ходить.

— Слышу, — сказала Мира. И, подумав, добавила про себя: «Слышу. Ещё как».

На улице было тихо и бело, снег падал крупными хлопьями. Гром вылетел из подъезда, как пробка из бутылки, сделал три круга вокруг Миры, запутал поводок вокруг её ног и чуть не уронил её в сугроб. Потом деловито побежал вперёд, уткнувшись носом в снег.

Они дошли до конца улицы, где кончались дома и начинался лес. Чёрные ели стояли вдоль дороги. За ними поднимался склон горы, весь в белом, и где-то там, среди скал, прятались старые копи.

Мира шла и думала о голосе, о пропавшей звезде и о том, не рассказать ли всё-таки папе в воскресенье. «Пап, я нашла дырку на месте звезды и соседа у себя в голове». Ага. Конечно.

Она так задумалась, что пропустила момент, когда поводок в её руке натянулся струной.

Гром замер. Весь, от кончика носа до кончика хвоста. Одна передняя лапа поднята, уши торчком, насколько вообще могут торчком уши спаниеля. Он смотрел на сугроб под ближайшей елью.

— Гром, ты чего…

Сугроб взорвался.

Из-под снега, хлопая крыльями, с шумом и треском вылетела серая птица и метнулась в лес. Рябчик. Это Мира потом

уже поняла: рябчики зимой ночуют прямо в снегу. Но тогда она ничего не успела сообразить.

Потому что Гром рванул.

В нём разом проснулись сто поколений охотничьих предков. Поводок вырвался из Мириной руки. Гром уже летел в лес, взрывая снег, уши по ветру, и лаял так, словно вся его жизнь до этой секунды была подготовкой к этому рябчику.

— ГРОМ! СТОЯТЬ! ФУ!

Гром не услышал. Гром был занят.

Мира побежала за ним.

* * *

Снег в лесу был по колено. Мира проваливалась, падала, вставала, снова бежала. Ветки хлестали по лицу, шапка съехала на глаза, в ботинки набился снег. Лай уходил всё дальше и всё выше, вверх по склону.

Она бежала и звала его, и с каждым шагом становилось страшнее: лес большой, темнеет рано, а Гром ни разу в жизни не терялся.

К копям.

Конечно, к копям. Куда ещё.

Когда Мира выбралась из ельника, перед ней были скалы. Крутой заснеженный склон, а в самой скале тёмный проём, заколоченный почерневшими досками. Вход в старую копь. Рядом ржавая табличка «Опасно! Вход запрещён!» с почти стёршимися буквами.

Рябчика нигде не было. Видимо, ушёл.

А Гром был. Гром прыгал у подножия скалы и лаял. Но не так, как на птицу. По-другому. Звонко, азартно, захлёбываясь, будто нашёл как минимум медведя.

Прыгал он у пустой скалы. И лаял в пустоту. В абсолютную пустоту.

— Гром, — выдохнула Мира, держась за бок. — Там никого нет, балбес.

Гром не согласился. Он отступил на шаг, присел, оттолкнулся всеми четырьмя лапами, подпрыгнул так высоко, как никогда ещё не прыгал, вцепился зубами во что-то невидимое в воздухе и повис.

Повис в метре над землёй, ни за что не держась.

Мира открыла рот. Закрыла.

Тут в голове у неё раздался голос. Тот самый. Только теперь не далёкий, не за стенкой, а совсем рядом, громкий, яростный и очень, очень несчастный:

«Убери. От меня. Эту. Тварь».

Кулон под курткой вспыхнул жаром, и воздух у скалы пошёл рябью. И Мира увидела хвост.

Длинный, гибкий, толщиной с её ногу у основания, весь покрытый мелкой чешуёй. Серебристый, а в глубине, если присмотреться, фиолетовый, как её кулон. По чешуе бежал иней. Только самый кончик, тот, в который вцепился Гром, был какой-то бледный, почти белый, будто выцвел. На нём, болтая лапами, висел её спаниель. Довольный донельзя.

Хвост тянулся вверх, к скале. И над скалой медленно и

нехотя проступал из воздуха весь остальной… остальное… Мира не знала, как это назвать.

Нет. Знала.

Он был не огромным, не с самолёт, как в фильмах. Может, с маршрутку. Длинный, худой, нескладный, с крыльями, которые он неловко прижимал к бокам, будто стеснялся их. Длинная шея, острая морда, рожки в инее. И глаза.

Фиолетовые глаза.

Мира знала эти глаза. Она рисовала их двадцать раз. Только во сне они были древние и усталые, а эти были молодые, злые и испуганные.

Ей стало так страшно, что подогнулись колени. Бежать. Прямо сейчас. Но Гром висел у дракона на хвосте, и Мира осталась стоять.

— Ты… — прошептала Мира. — Ты настоящий.

«Я незаметный, — обиженно огрызнулся дракон. — Был. Пока не явилось это лохматое недоразумение».

— Гром не недоразумение!

«Я про тебя».

Дракон дёрнул хвостом. Гром описал в воздухе дугу, не разжимая зубов, и восторженно взвизгнул.

«Отцепи его! Он мне хвост прокусит!»

— Гром, фу! Отпусти! Гром!

Гром с явной неохотой разжал зубы, плюхнулся в сугроб, тут же вскочил и уселся рядом с Мирой, гордо высунув язык. Он нашёл самую интересную вещь в своей жизни и был

очень собой доволен.

Дракон подтянул хвост к себе и осмотрел кончик. Подул на него. Изо рта у него вылетело облачко инея.

«Весь в слюнях», — сказал он с отвращением.

Мира смотрела на него. Он смотрел на неё. Снег падал между ними, медленно, крупными хлопьями.

— Подожди, — медленно сказала Мира. — Так это ты?

«Что я?»

— Это ты у меня в голове бубнишь! «Общий знаменатель двадцать четыре»! «Рыбы бы»! «Не пой»!

Дракон отшатнулся так, что с камней посыпался снег.

«Это я бубню?! Это ТЫ у меня в голове бубнишь! Днём, ночью! Я за твоим автобусом до самого города летел, посмотреть, кто там такой громкий! Уроки, контрольные, эта твоя Каролина, кто что сказал, кто на кого посмотрел! А по вечерам ты ПОЁШЬ! Ты знаешь, как ты поёшь?!»

— Нормально я пою!

«Ужасно ты поёшь!»

Они замолчали и сердито уставились друг на друга.

Гром переводил взгляд с одного на другого, как зритель на теннисном матче.

— А ты что тут делаешь? — спросила Мира. — У копей?

Дракон отвёл глаза.

«Не твоё дело».

— Ты здесь живёшь?

«Не твоё дело».

— А откуда ты? Ты один? Почему тебя никто не видит? Почему я тебя слышу?

«Не. Твоё. Дело». Он помолчал и добавил, глядя на Грома: «А твоя вонючая псина, между прочим, ещё немного, и стала бы обедом».

Мира шагнула вперёд и встала между драконом и Громом. Сама не поняла, как это вышло.

— Только попробуй, — сказала она.

Дракон смотрел на неё сверху вниз. Он был раз в десять больше неё, с когтями длиной в её ладонь, и мог, наверное, заморозить её одним выдохом. А она стояла перед ним в съехавшей шапке и смотрела прямо в фиолетовые глаза.

Дракон фыркнул. Облачко инея осыпало её шапку.

«Хм», — сказал он. И больше ничего.

А потом расправил крылья.

Они оказались огромными, серебристыми, полупрозрачными, с тонкими фиолетовыми прожилками. Он взмахнул ими один раз. В лицо Мире ударил ледяной вихрь, Гром залаял, а когда снег осел, у скалы было пусто.

Только глубокие следы когтей на камне. И снежная пыль, ещё висящая в воздухе.

— Эй! — крикнула Мира в пустоту. — Ты куда? Я даже не знаю, как тебя зовут!

Тишина. Только лес шумел.

Мира постояла. Потом села прямо в сугроб, потому что ноги перестали её держать. Гром сел рядом и положил голову

ей на колени.

— Ты видел? — шёпотом спросила она. — Ты же видел. Ты за него держался.

Гром завилял хвостом так, что снег полетел во все стороны. Видеть, может, и не видел. Но держался ещё как.

Кулон на груди был горячим.

Когда они уже шли обратно, мокрые, замёрзшие, по собственным следам через ельник, у Миры в голове раздался голос. Тихий, далёкий, неохотный:

«Пирит».

Мира остановилась.

«Меня зовут Пирит. Ты первая, кто от меня не убежал. И не смей никому рассказывать, поняла?»

Мира подумала. Пирит. Как камень, который блестит, как золото, а на самом деле не золото. Золото дураков. Красиво, но какое-то длинное и колючее. И почему-то грустное.

«Буду звать тебя Пит», — подумала она.

«Не будешь».

«Пит».

Долгая пауза.

Потом у неё в голове раздалось сердитое фырканье. Но почему-то совсем не злое.

Глава 4. Гроза Пирита

Дверь открыл Максим.

Он посмотрел на Миру: мокрая до пояса, в волосах снег, шапка набекрень. Потом на Грома: снег на ушах, снег на спине, хвост метёт пол.

— Алён, — позвал он, не оборачиваясь. — Тут к нам снеговики пришли.

Мама выглянула из кухни, и улыбка у неё пропала.

— Мирослава! Ты где была?

— Гром рванул за рябчиком. Я его по лесу ловила.

— По лесу?! — Максим вскипел мгновенно. — Одна? В лесу? Ты знаешь, сколько там ям? А если бы ты ногу сломала? А если бы он под лёд ушёл? Кто бы тебя там нашёл, а?

Кричал он долго. Про ямы, про лёд, про то, что в этом доме никто никого не слушает. Мира стояла и молчала. Гром на всякий случай спрятался за неё.

А вскоре Максим постучался к ней в комнату и молча поставил на стол кружку горячего какао. С маршмеллоу. И уже в дверях буркнул, не оборачиваясь: «Испугался я. Вот и ору». И ушёл.

Мира грела руки о кружку и думала, что она ведь не соврала. Гром правда рванул за рябчиком. Она правда ловила его по лесу.

Просто сказала не всё.

* * *

Странно было ложиться спать, зная, что у тебя в голове кто-то есть.

Раньше голос был просто голосом, непонятным и пугающим. А теперь у него появились фиолетовые глаза, рожки в инее и манера фыркать. И от этого стало только неуютнее. Мира лежала в темноте и боялась подумать что-нибудь лишнее. Вдруг он услышит.

В голове было тихо. Пит молчал. Демонстративно, Мира это чувствовала: так молчат, когда очень хотят, чтобы заметили, как ты молчишь.

Надолго её не хватило.

«Ты там?»

Долгая пауза.

«Нет».

Мира уткнулась в подушку, чтобы не засмеяться вслух.

* * *

Теперь каждый вечер она выгуливала Грома.

Сама, без напоминаний, в любую погоду. Мама не могла нарадоваться и даже купила Грому новый светящийся ошейник, чтобы его было видно в темноте. Мира не стала говорить, что Грома в темноте прекрасно видно и без ошейника. Кое-кому.

Мама думала, что они гуляют вокруг дома. А за последним подъездом Мира каждый раз сворачивала к лесу.

Дальше по старым следам, вверх, к копям. Дома голос Пи-

та то пропадал, то доносился обрывками, если только сам Пит не крутился где-нибудь поблизости. А чем ближе к горе, тем чище. А у самых скал можно было разговаривать нормально, не вслух, а мыслями, и Мира быстро привыкла не открывать рот.

Пит всегда был там. И всегда делал вид, что оказался тут случайно.

«Пролетал мимо», — говорил он, когда она выходила из ельника.

«Каждый день?»

«У меня тут маршрут».

Гром при виде пустой скалы каждый раз сходил с ума от счастья, а Пит каждый раз отодвигал хвост подальше.

«Держи свою вонючую псину».

«Он не вонючий».

«Он воняет мокрой собакой».

«Он и есть мокрая собака».

«Вот именно».

«Ты тоже, знаешь ли, не фиалками пахнешь».

От Пита и правда несло тухлой рыбой.

«Это ужин, — буркнул он. — Из бака за рынком».

Мира хотела пошутить, но не стала. Дракон, который ужинает рыбьими головами с помойки, — это было как-то не смешно.

На следующий вечер она принесла в рюкзаке пакет мойвы из морозилки. Пит фыркнул, что ему совсем не надо, но

пакет исчез в один миг. Мама потом долго не могла понять, куда делась мойва.

В школе всё было как обычно. Почти.

— Ты какая-то странная, — сказал как-то Макар на перемене. — На уроках спишь, а сама довольная. Что случилось?

— Ничего, — сказала Мира и честно попыталась не улыбаться.

А в пятницу, уже затемно, у соседнего подъезда стояла знакомая белая машина. Каролина с мамой выгружали пакеты. Каролина обернулась и долго смотрела, как Мира с Громом проходят мимо последнего дома и сворачивают прямо в лес. Мира прибавила шагу.

* * *

Про себя Пит рассказывал много, и всё это смело можно было делить на семь, то есть верить примерно каждому седьмому слову. Например, по его словам, он был грозой Пирита.

«Пирит — это же ты», — не поняла Мира в первый раз.

«Пирит — это город, — оскорблённо сказал он. — Величайший город на свете. Золотые крыши, башни до облаков. И меня назвали в его честь. Потому что я величайший дракон этого города».

«А другие драконы?»

«Трепещут».

«Все?»

«Все до одного. Когда я пролетаю над площадью, они разбегаются».

«Почему?»

Пауза была совсем коротенькой. Мира бы её не заметила, если бы не слышала его изнутри.

«Потому что я страшный. У меня легендарное пламя. Ледяное. Такого больше ни у кого нет».

«Покажи».

Пит смерил её взглядом. Расправил плечи, и крылья сами собой чуть приподнялись. Выпятил грудь. Повернулся к молодой ели у подножия скалы, медленно, торжественно.

И выдохнул.

Это было не пламя, во всяком случае, не такое, как в фильмах. Из пасти у него вырвался поток светящегося фиолетово-синего холода, тихий, с таким звуком, с каким трескается лёд на реке. Он окутал ель с макушки до корней. И когда холод рассеялся, на месте зелёной ели стояла ледяная.

Каждая иголка, каждая веточка, каждая шишка — всё стало прозрачным, сверкающим. Внутри льда горели фиолетовые искры. От ели шёл тихий звон.

Мира замерла.

— Обалдеть, — вырвалось у неё вслух, хотя с Питом она давно разговаривала только мыслями.

Пит равнодушно отвернулся. Но кончик хвоста у него довольно дёрнулся.

«Это я ещё не старался».

Тут он чихнул.

Видимо, от холода. Или от собственной гордости. Чих-

нул он коротко, громко, и из обеих ноздрей вылетело облако инея. Прямо на Грома.

Гром, который как раз тянулся понюхать ледяную ель, замер. С головы до хвоста он был покрыт белым пушистым инеем. Уши стояли колом. На кончике носа висела сосулька. Он медленно повернул голову к Мире с выражением глубочайшей обиды.

Мира засмеялась.

Сначала тихо, потом так, что пришлось сесть в снег, до слёз и до боли в животе. Гром отряхнулся, иней разлетелся во все стороны, и он стал похож на обиженную снежинку. От этого стало ещё смешнее.

«Ну вот, — проворчал Пит. — Теперь он вонючая замороженная псина».

А потом Мира заметила, что Пит на неё смотрит. Странно смотрит. Будто впервые видит, как кто-то смеётся рядом с ним, а не над ним.

Мира наконец перестала смеяться и вытерла слёзы. Кажется, она очень давно так не смеялась. Может, с лета. Может, и дольше.

* * *

Альбомы Мира несколько вечеров подряд носила в рюкзаке и каждый раз приносила обратно, так и не достав. Наконец решилась.

«Я тут рисую. Ну, разное. Хочешь посмотреть?»

Пит наклонил к альбому длинную морду и подцепил об-

ложку когтем, очень осторожно, чтобы не порвать. Мира даже удивилась, что он так умеет.

Старые альбомы он листал с видом критика.

«Это что, курица?»

«Это дракон».

«У драконов не бывает таких ног».

«Мне было восемь!»

«Заметно».

Потом пошли Громы с крыльями, и Пит фыркнул так, что страницы чуть не разлетелись. Потом звёздное небо из окна, и он ничего не сказал, только долго смотрел на хвост Дракона.

А потом Пит открыл последний альбом. Там были сны.

Горы, острые, как разбитое стекло. Замёрзшее озеро. Город под горами, и на каждой крыше золото.

Пит перестал листать.

Он смотрел на эту страницу не мигая.

«Откуда ты это взяла?»

Голос был совсем другой, тихий и очень серьёзный.

«Мне это снится. С сентября, почти каждую ночь. С тех пор как я купила…» Мира дотронулась до кулона под курткой. «Неважно. Снится, и всё. А что?»

Пит не ответил. Он медленно, когтем, перевернул страницу.

Там была щель между камнями. И яйцо в ней, тёмное, с фиолетовыми прожилками. И на скорлупе маленькая звёз-

дочка с длинным, как у кометы, хвостом.

Пит смотрел на рисунок, и Мира почувствовала в нём то, чего раньше не слышала. Ни злости, ни обиды в нём не было, только тоска, такая огромная, что у Миры сдавило горло.

«Пит?»

Он резко отдёрнул коготь и рванул вверх, даже не расправив толком крылья. Мира успела увидеть только серебряную вспышку над скалой.

Он улетел, не сказав ни слова.

Мира стояла с открытым альбомом в руках, и на рисунок с яйцом медленно падали снежинки.

«Пит!»

Тишина.

Не та тишина, что раньше, когда он демонстративно молчал. Другая. Будто сосед за стенкой не просто ушёл, а запер дверь на ключ и выключил свет.

Глава 5. Тебе туда нельзя

Пит не появился ни на следующий вечер, ни через день.

Мира ходила к копям каждый вечер, в мороз и в метель. Гром обнюхивал пустую скалу и смотрел на Миру с упрёком: это ты всё испортила. Ледяная ель тихонько звенела на ветру. Больше ничто не напоминало, что здесь кто-то был.

В голове тоже было тихо. Мира звала его по сто раз на дню. Ничего.

Это из-за рисунка, Мира была уверена: он увидел яйцо в щели между камнями, и что-то в нём сломалось. А она ведь почти ничего про него не знала. Только то, что он ест рыбу из бака за рынком, ужасно врёт и не выносит, когда она поёт.

Зато она точно чувствовала: сейчас ему плохо.

В среду Мира вырвала из альбома тот самый лист. Подержала в руках. Сложила пополам. Потом расправила, разгладила ладонью и вклеила обратно скотчем. Получилось криво.

— Ты чего такая? — спросил Макар на физре, когда она в третий раз пропустила мяч, который летел ей прямо в руки. — Ты как будто не здесь. В игру сто лет не заходишь.

— Некогда.

— Поругалась с кем-то?

— Вроде того.

— С кем? — Макар оживился. — С Линой? Опять?

— Не с Линой.

— А с кем тогда? Ты ни с кем, кроме Лины, не ругаешься. Ты вообще только со мной и разговариваешь.

Это было обидно и, к сожалению, правда.

— С одним… знакомым, — сказала Мира.

— Ну ты и тихушница, — уважительно сказал Макар и пропустил мяч сам.

После уроков Мира вышла из школы последней. Через дорогу, у остановки, стоял высокий человек без шапки и смотрел на школьные окна. Подошёл автобус и на секунду загородил его. А когда отъехал, на остановке никого не было.

Мира решила, что ей показалось. Только кулон под свитером стал холодным и отогрелся только дома.

В ночь на пятницу пришёл новый сон.

Не горы и не погоня. Тёмная тёплая щель между камнями, в ней яйцо, а над яйцом склонилась драконица, огромная и усталая. Она пела. Без слов, низко, почти неслышно, как поют, когда укачивают. Мелодия была простая, в пять нот, и всё время возвращалась к началу.

Мира проснулась, а мелодия осталась. Она крутилась в голове весь день, и на математике Макар ткнул её ручкой в спину: Мира мурлыкала её под нос.

Дома она нарисовала драконицу и яйцо, а под рисунком, сама не зная зачем, поставила пять точек: выше, ниже, ещё ниже, выше, на месте. Так, как запомнилась мелодия. К вечеру мелодия выветрилась, и больше Мира её не вспомина-

ла.

В воскресенье, как всегда ровно в семь, позвонил папа.

— Ну, что нашла на небе? — спросил он.

— Пап, а звёзды могут пропадать?

— Мира-то? Она пропадает по расписанию, раз в одиннадцать месяцев.

— Не Мира, пап. Другая. В хвосте Дракона. У неё никакого расписания нет.

— Ну, их может закрыть облако. Или спутник. Или ты смотришь не туда.

— Я смотрю туда. Я её рисовала в сентябре. А теперь её нет.

— Хм. Тогда это открытие. Можешь назвать её в свою честь.

— Она пропала, пап. Как можно назвать то, чего нет?

— Если ты кого-то ищешь, значит, он есть, — сказал папа. — Просто пока не нашёлся.

Мира хотела сказать, что это про людей, а не про звёзды. Но тут же подумала совсем не про звезду.

Снежок ударил в окно в ночь на понедельник.

Мира не спала. Она лежала в темноте, слушала, как сопит Гром у неё в ногах. И тут: «пух». Мягко, глухо, прямо в стекло.

Гром поднял голову.

Мира тоже.

«Пух», — ещё раз. На стекле расплылась белая клякса и

медленно поползла вниз.

Она выбралась из-под одеяла, прошлёпала босиком к окну и отодвинула штору.

Двор спал. А за двором, там, где начинался лес, у самого края стояла старая ель. Огромная, выше пятого этажа. Мира рисовала её раз сто и знала каждую ветку.

Сейчас ель лежала.

Не упала, нет. Её пригнуло к земле, как травинку. Ствол выгнулся дугой, макушка касалась сугроба, снег осыпался с веток целыми пластами, беззвучно, медленно. А на изгибе, за светом фонаря, лежало что-то длинное и серебристое, почти белое на белом.

Мира прижалась лбом к холодному стеклу и почувствовала, как у неё внутри что-то разжимается.

«Ты там?» — подумала она.

Тишина. Потом ворчливо:

«Нет».

Пришлось зажать рот ладонью, чтобы не засмеяться в голос. Гром за спиной стучал хвостом по одеялу, глухо и часто.

«Ель сломаешь».

«Не сломаю. Я лёгкий».

«Ты размером с маршрутку».

Пауза.

«С что?»

«С маршрутку. Ну… это такой автобус, только поменьше. Люди в нём ездят».

«То есть я похож на вашу консервную банку на колёсах? — оскорблённо уточнил Пит. — На вонючую жестянку, которая чихает на каждом повороте?»

«Я про размер!»

«Я изящный. Я стремительный. Я…»

Ель под ним жалобно заскрипела.

«Я среднего размера», — с достоинством закончил Пит.

«Ты где был?» — спросила Мира.

Пауза.

«Летал. По делам».

«Неделю?»

«У меня длинный маршрут».

За неделю у Миры накопилось много слов, и почти все были злые. Про копи, куда она ходила каждый вечер. Про скалу, которая умела молчать ничуть не хуже него. Она уже набрала воздуха, чтобы высказать всё сразу, и поняла, что злость куда-то делась. Осталось только одно.

«Ты вернулся».

Не вопрос. Так говорят «снег пошёл», когда долго его ждали.

Ель скрипнула. С верхних веток сорвался снег, хотя ветра не было. Потом ничего, только сопел за спиной Гром.

«Я никуда и не… — начал Пит и осёкся. — Ну. Вернулся».

Мира почти не различала его в темноте, но этого и не нужно было. От него шло тепло, неловкое и смущённое, как у

того, кого поймали на чём-то хорошем.

«Завтра, — сказал Пит. — У скалы. После твоей этой… школы».

Ель медленно, с хрустом, распрямилась. Снег с её макушки взметнулся белым облаком, повисел в свете фонаря и осел. Наверху что-то мелькнуло: тень, пятно, ничего. Небо снова стало просто небом.

Мира ещё долго стояла у окна.

На следующий день Пит ждал её у скалы. На этот раз даже не делал вид, что оказался тут случайно. Только вышел из-за скалы не сразу, а медленно, по шагу, ещё сомневаясь, стоит ли.

Гром взвизгнул и кинулся к нему. Пит сделал то, чего никогда раньше не делал: подобрал хвост под себя, обвил им лапы и накрыл кончик крылом, как кошка, которая прячет больную лапу. Пёс обнюхал крыло со всех сторон, не нашёл ничего интересного и обиженно сел.

«Это тебе», — сказал Пит.

На снегу перед Мирой лежала форель. Большая, пятнистая, замороженная до звона.

Мира посмотрела на рыбу. Потом на Пита.

«Это форель».

«Это хорошая форель. Очень хорошая. Я долго выбирал».

«В баке за рынком?»

Пит гордо промолчал.

«Это вместо „извини, что пропал“?» — спросила Мира.

«Это вместо „ешь“. Драконы не извиняются».

«Я не ем рыбу».

«Знаю. Ты думаешь о ней с таким отвращением, что у меня самого аппетит пропадает».

Гром решил вопрос за них: аккуратно взял рыбу зубами, отошёл за ледяную ель и захрустел. Пит проводил его долгим взглядом, полным страдания.

Шутки кончились, и повисла неловкая тишина: оба знали, о чём на самом деле надо поговорить, и оба тянули время.

«Я не хотела, — сказала Мира. — Ну, с рисунком. Я не знала, что это… что тебе…»

«Это просто рисунок».

«Ты улетел на целую неделю из-за просто рисунка».

Пит отвернулся.

«Все драконы вылупляются из яиц, — сказал он слишком ровно. — Ничего особенного. Ты нарисовала яйцо. Молодец. Очень похоже».

Мира не ответила. От Пита тянуло чем-то холодным и колючим, как сквозняком из щели в окне: не видно, но чувствуешь сразу. Она уже научилась это различать. Так он звучал, когда врал.

Она не стала его ловить. Сама не знала почему. Наверное, потому что помнила, как Каролина выдёргивала у неё альбом. Быть как Каролина не хотелось.

«Мама думает, я гуляю вокруг дома», — сказала она вместо этого.

Пит повернул к ней голову.

«А Максим, кажется, не думает. Он вчера спросил, почему у Грома все уши в хвое, если мы гуляем вокруг дома, а не в лесу. Я сказала, что Гром нашёл ёлку. Он сказал: „Ага“. Он всегда говорит „ага“, когда не верит».

«Максим — это который кричит?»

«Это который кричит и потом приносит какао. Он мамин муж. Не папа».

«А папа?»

«Папа далеко. В другой стране. Звонит по воскресеньям». Мира подумала и добавила: «Он хороший. Просто далеко».

Ей захотелось рассказать всё, и она рассказала. Про папин телескоп с наклейкой-ракетой. Про маму, которая работает в музее самоцветов и про камни знает всё на свете. Про бабушку Галю, папину маму, которая живёт у подножия Тальяна и каждое лето рассказывает сказы про Полоза и Хозяйку Медной горы. Про то, что мама с бабушкой почти не разговаривают и обе делают вид, что всё нормально. Пит слушал не перебивая, положив голову на лапы, и иногда моргал.

Когда Мира наконец замолчала, было совсем темно.

«А у тебя? — спросила она. — Кто у тебя есть?»

Пит не отвечал. Над лесом высыпали звёзды.

«Нет у меня никого», — сказал он.

Сказал спокойно, даже не фыркнул. Уж лучше бы соврал.

Мира не знала, что на это отвечают. Взрослые сказали бы «мне так жаль». Но Пит слышал её изнутри и сразу понял

бы, что это пустые слова.

Поэтому она ничего не сказала, а просто подошла и села рядом с ним, прямо в снег, привалившись спиной к его боку. Чешуя была холодной и гладкой, а под ней, глубоко-глубоко, стучало сердце. Пит вздрогнул всем телом. Но не отодвинулся.

Гром, доевший рыбу, пришёл и плюхнулся Мире на ноги. Теперь их было трое.

Так они сидели довольно долго.

«Пит, — сказала Мира. — Откуда ты прилетаешь?»

«Издалека».

«Это я поняла. Откуда?»

«Оттуда, откуда надо».

«Это вообще не ответ».

«Это очень хороший ответ. Я над ним долго думал».

«Там есть другие драконы? Много?»

Пауза.

«Есть».

«И город? Пирит, про который ты рассказывал? С золотыми крышами?»

«Есть».

Мира повернулась и посмотрела ему прямо в глаз, огромный, фиолетовый, совсем близкий.

«Возьми меня с собой».

Пит дёрнулся так, что Мира чуть не упала в снег.

«Нет».

«Почему?»

«Нельзя».

«Почему нельзя?»

«Потому что нельзя! — Он вскочил, отряхнулся, и с него посыпался иней. — Людям туда нельзя. Это закон. Если тебя там увидят…»

Он осёкся.

«Что?» — спросила Мира.

«Ничего».

«Что будет, если меня там увидят?»

«Тебе туда нельзя», — повторил Пит, и от его голоса у Миры по спине побежали мурашки. Таким она его ещё ни разу не слышала: тихим и по-настоящему страшным.

Мира встала тоже. Гром тут же вскочил и гавкнул: раз все встали, значит, сейчас куда-то пойдут.

«Ты сам туда летаешь».

«Я дракон».

«А я тебя вижу. Меня никто не учил, а я вижу. И слышу. И сны эти мне снятся, шестьдесят восемь раз уже. Про твоих драконов, про твой город, про…» Она запнулась. Про яйцо она решила не говорить. «Это же не просто так».

«Это просто так».

«Ты врёшь».

«Не вру».

«Ты врёшь, я слышу, как ты врёшь! У тебя сквозняк в голове, когда ты врёшь!»

Пит открыл пасть, чтобы ответить, и закрыл. Похоже, про сквозняк он слышал впервые и не знал, что с этим делать.

«Там не так, как ты думаешь, — сказал он наконец, тихо. — Там не золото. Там…»

Он опять замолчал.

Гром снова ткнулся носом ему в бок, туда, где под крылом прятался хвост. Пит отодвинулся, быстро и резко, будто пёс задел рану. Мира это заметила, но сейчас ей было не до хвоста: она спорила.

«Иди домой, — сказал Пит. — Твоя мама скоро начнёт волноваться».

Мира хотела возразить. Но она уже знала его чуть-чуть: если Пит закрыл дверь, ломиться бесполезно. Надо ждать, пока он сам приоткроет.

«Ладно, — сказала она. — Но я спрошу ещё раз».

«Я так и думал».

«И ещё раз. И ещё».

«Я знаю. Ты упрямая, как… — Он поискал сравнение. — Как твоя псина».

Это, кажется, был комплимент.

Дома Мира первым делом подошла к окну.

Ночь была ясная, морозная, звёзды стояли над лесом, мелкие и острые. Мира привычно нашла Дракона: длинную извилистую цепочку над антенной соседнего дома. Голова. Изгиб шеи. Туловище. Хвост, обвивающий Малую Медведицу. На кончике хвоста, как и все эти недели, было пусто.

Она открыла альбом на странице с сентябрьским небом и стала сверять. Звезду за звездой. Медленно, водя по рисунку пальцем.

Палец замер.

Рядом с кончиком хвоста, сразу за первым пустым местом, на её рисунке стояла звезда. Не яркая, но заметная.

На небе этой звезды не было.

Мира посмотрела в телескоп. Потом без телескопа. Потом снова в телескоп. Протёрла стёклышко телескопа рукавом пижамы. Пусто.

Вторая.

Мира достала красную ручку и обвела на рисунке оба пустых места. Возле второго кружка написала сегодняшнее число. Возле первого, подумав, тоже, по памяти: вечер того понедельника, когда с горы сорвалась снежная шапка.

Два красных кружка на хвосте Дракона.

«Пит, — позвала она, сама не зная, услышит ли он. — Пит, ещё одна звезда пропала».

Тишина была такой долгой, что Мира решила: не услышал. Наверное, улетел к себе, в свой далёкий Пирит.

А потом совсем тихо, издалека, пришло:

«Я знаю».

Глава 6. Хвост

В субботу выглянуло солнце.

Солнце висело низко над Тальяном, бледное и почти не грело, но снег под ним вспыхнул так, что пришлось щуриться. Мама сказала, что грех сидеть дома в такую погоду, и выставила Миру с Громом за дверь. Мира и не спорила.

Пит лежал на самой вершине скалы, растянувшись на солнце. Крылья раскинуты, глаза закрыты. Гром, конечно, сразу нашёл его по запаху и теперь пытался залезть на скалу, срывался, съезжал на пузе обратно в сугроб и пробовал снова.

«Он упорный», — заметил Пит, не открывая глаз.

«Он тебя любит».

«Это не любовь. Это болезнь».

Мира забралась на камень пониже, обхватила колени и стала разглядывать Пита. Так она разглядывала всё, что собиралась нарисовать: долго, по кусочку. Рожки в инее. Чешуйки на шее, мелкие, как у рыбы, и крупные на спине, похожие на черепицу.

Хвост свисал с края скалы. Длинный, серебристый, он лениво покачивался, и Гром внизу следил за ним с таким же вниманием, с каким кошки следят за верёвочкой.

Тут солнце попало прямо на кончик.

Мира даже привстала.

Кончик хвоста светился, но не так, как блестела остальная чешуя. Солнце проходило сквозь него, и на снегу под хвостом лежала не тень, а бледное фиолетовое пятнышко света.

Она вспомнила первую встречу. Тогда кончик хвоста показался ей бледным, словно выцветшим, и она решила, что это иней.

Сейчас инея не было. Было солнце.

«Пит, — сказала Мира. — Что у тебя с хвостом?»

Хвост дёрнулся вверх и пропал из виду: Пит сел, подобрав его под себя. Глаза открылись.

«Ничего».

«Он просвечивает».

«Это иней».

«Нет там никакого инея. Солнце же».

«Значит, солнечный иней».

«Такого не бывает».

«Бывает. У драконов всё бывает, — сказал Пит. — Всё нормально».

Холодный сквозняк из щели в окне. Мира даже поёжилась.

«Покажи».

«Нет».

«Пит».

«Всё. Нор-маль-но», — сказал он по слогам, и сквозняк стал таким ледяным, что у Миры заныли зубы.

Пит выдержал её взгляд, потом неторопливо расправил

крылья, словно как раз сейчас и собирался, и сказал:

«Мне пора. Дела».

«Какие у тебя дела?»

«Драконьи».

Улетел он быстро и тихо. Сбежал.

Мира ещё постояла у скалы. Гром наконец-то вскарабкался наверх, понюхал пустой камень, где только что лежал Пит, и сел с видом глубоко обманутой собаки.

— Вот и я так же, — сказала ему Мира.

В понедельник после уроков Мира пошла в школьную библиотеку, куда никто никогда не ходил. Библиотекарша Нина Петровна при виде живого читателя так обрадовалась, что уронила штамп.

Книг про то, как гаснут звёзды, нашлось четыре, и самой толковой оказалась толстенная энциклопедия.

Звёзды действительно гаснут, было написано там. Но на это уходят миллионы лет.

Не за один вечер.

Дома она написала астроному на сайт планетария: две звезды в хвосте Дракона пропали, облака и спутники ни при чём, она проверяла. И, подумав, добавила: «Мне 12 лет, но я не выдумываю».

Ответ пришёл на следующий день. Писал Денис, тот самый, из планетария, и даже вспомнил её: та самая, «в шее у чудовища». Звёзды за один вечер не исчезают, писал он: это, скорее всего, дымка или новый фонарь у соседей. «Но про-

должайте рисовать. Если пропадёт третья, напишите мне».

Фонарь во дворе горел один и тот же, сколько Мира себя помнила. Но взрослый астроном не сказал, что она выдумывает. Он сказал: напишите мне.

Она открыла альбом на странице с сентябрьским небом и двумя красными кружками на хвосте Дракона. Мира подумала и рядом нарисовала хвост Пита, таким, каким видела его в субботу: длинный, серебристый, свисающий с края скалы. Кончик оставила белым.

Потом посмотрела на оба хвоста сразу, и у неё похолодели руки. Они изгибались одинаково, петля в петлю. И светлый, прозрачный кусок на хвосте у Пита приходился ровно на то место, где на небе не хватало звёзд.

«Звёзды гаснут, — медленно подумала Мира. — И он гаснет вместе с ними».

Она захлопнула альбом, но мысль осталась. Две звезды уже пропали. А если пропадёт третья? А если все? В хвосте Дракона Мира насчитала по рисунку ещё восемь. Восемь звёзд до того, как от Пита останется… что? Думать об этом было невозможно. Не думать тоже.

В тот вечер она решила: что бы Пит ни говорил, она узнает, как это остановить.

Каролину Мира заметила в четверг.

Вернее, сначала её заметил Гром. Они шли к копям, как обычно, через ельник по своей натоптанной тропе, и тут Гром остановился, повернул голову назад и тихо, низко за-

рычал.

Мира обернулась.

Позади был только лес. Тёмные ели, синие сумерки, снег. Где-то далеко лаяла чужая собака.

— Пошли, — сказала Мира. — Тебе показалось.

Но Гром ещё дважды оборачивался. А на третий раз Мира увидела сама: между стволами, шагах в пятидесяти позади, мелькнуло что-то ярко-розовое. Такого цвета не бывает в зимнем лесу. Зато бывает у новой куртки, которую Каролина в понедельник весь день показывала всем, кто соглашался смотреть.

У Миры похолодело в животе.

«Пит, — подумала она изо всех сил. — Пит, не показывайся. За мной кто-то идёт».

«Знаю, — тут же отозвался Пит. Он был близко, совсем близко, его голос звучал чисто. — Я её давно вижу. Она топает, как стадо лосей. Кто это?»

«Каролина».

Пауза.

«Та самая? С блеском?»

«Та самая».

«Хочешь, я её заморожу? — с готовностью предложил Пит. — Чуть-чуть. Только хвостик».

«Нет!»

«Только косички».

«Пит! Ничего не делай! Сиди тихо!»

«Я и так сижу тихо. Я самое тихое, что есть в этом лесу. Это она шумит».

Мира вышла к скалам и остановилась у ледяной ели, сделав вид, что разглядывает её. Ель тихонько звенела. Только сейчас Мира поняла, как это выглядит со стороны: заброшенные копи, табличка «Опасно!» и посреди леса дерево, сделанное из стекла.

Сзади, в ельнике, хрустнула ветка.

Гром не выдержал. Он развернулся и с лаем кинулся в лес, прямо туда, откуда хрустнуло. Лаял он так же, как на рябчика: на весь лес, с подвыванием, будто наконец нашёл врага всей своей жизни.

Из ельника раздался визг. Потом треск, топот и ещё один визг, тоньше. Между стволами мелькнула розовая куртка, удаляясь большими неуклюжими прыжками. Гром гнался за ней до края ельника, потом остановился, гавкнул ей вслед ещё пару раз для порядка и вернулся к Мире, страшно довольный собой.

Мира не знала, смеяться ей или плакать.

«Твоя псина, — медленно сказал Пит, высунув морду из-за вершины скалы, — только что сделала что-то полезное. Впервые в жизни. Я потрясён».

«Она видела ель».

«Ель видел весь лес».

«Она видела, как я тут стою одна. И, может, слышала, как я… ну. С тобой».

«Ты же со мной не вслух».

Мира подумала. Вслух она сегодня не сказала ни слова. Кроме «пошли» Грому.

«Всё равно, — сказала она. — Она завтра всем расскажет».

«Кому? — Пит фыркнул. — Что она расскажет? Что Мира ходит в лес смотреть на ёлку?»

Он был прав, но это почему-то не успокаивало.

Тут Гром снова зарычал.

Не на ельник, куда убежала Каролина. Совсем в другую сторону, туда, где между стволами уже сгущалась темнота. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

Мира посмотрела туда же.

Между елями стоял человек. Высокий, в длинном сером пальто, без шапки, хотя мороз был такой, что щипало нос. Тот самый, с ярмарки. Он смотрел на ледяную ель так, как смотрят на витрину ювелирного магазина.

— Красивая ёлочка, — сказал он. Голос был негромкий и приятный. — Это ведь ты её нашла?

Мира молчала. Гром рычал, не переставая.

— И рисуешь, я видел. — Он кивнул на альбом у неё под мышкой. — Покажешь? Я когда-то тоже собирал… старые картинки. Старые камни.

— Нет, — сказала Мира. Голос вышел тонкий, чужой.

Человек улыбнулся одними губами, как тогда на ярмарке.

— Ничего. Как-нибудь в другой раз.

Он шагнул назад, в тень между стволами.

Мира моргнула. Между елями было пусто.

«Пит, — позвала она. — Ты видел?»

Пит ответил не сразу.

«Видел, — сказал он, и в его голосе не осталось ни капли вредности. — И не учуял. Совсем. Пока твоя псина не зарычала».

«Кто это?»

«Не знаю. — Пит помолчал. — Он пах камнями. Старыми. — И добавил так серьёзно, что Мире стало холодно: — Не показывай ему альбом. Никогда».

Потом, когда Мира набралась храбрости и подошла к ельнику, она нашла на снегу две цепочки следов. Маленькие, от сапожек с каблучком, убегали к городу. А чуть в стороне тянулись большие следы мужских ботинок, ровные и спокойные. Они шли вдоль её тропы. От самого города.

Надо было рассказать маме. Мира это знала. Весь вечер она ходила вокруг да около: про серого человека не расскажешь, не рассказав про копи, про ель, про Пита. Наконец она решилась, вдохнула и открыла дверь на кухню.

— Мам…

И осеклась. Мама с Максимом ругались. Из-за ерунды: кто-то опять не купил хлеб, и теперь было непонятно, чем завтракать. Мама говорила высоким звенящим голосом, а Максим молча тёр одну и ту же тарелку.

— Что, Мир? — устало спросила мама.

— Ничего. Потом.

Она ушла к себе и закрыла дверь. К девяти мама с Максимом помирились, Мира слышала, как они смеются на кухне. Но «потом» так и не наступило.

Каролина ничего не рассказала.

Она подошла к Мире сама, на следующий день, на большой перемене, когда Мира сидела на своём подоконнике. Одна, без Даши и Светы. Это было так странно, что Мира даже закрыла альбом.

— Что ты делала у копей? — спросила Каролина.

Не обозвала «лохматой», не улыбнулась своей улыбочкой. Спросила тихо, глядя куда-то Мире в плечо.

— Гуляла с собакой.

— Ты стояла у той ёлки. Которая… — Каролина запнулась. — Она что, стеклянная?

— Какая ёлка?

— Там ёлка. Возле скалы. Она вся прозрачная и звенит.

Мира посмотрела на неё самым честным взглядом, на какой была способна.

— Там обычные ёлки. Тебе в сумерках показалось. Там снег на ветках, он светится.

— Мне не показалось. — Каролина покраснела, пятнами, от шеи вверх. — И ты там с кем-то разговаривала. Ты стояла и кивала. И смеялась. Одна.

Вот это было плохо. Мира не знала, что она кивает. Она вообще не замечала, что делает, когда говорит с Питом.

— Я с Макаром по телефону говорила, — сказала она. — В наушниках.

Это было первое, что пришло в голову. Мира тут же поняла, что хуже придумать было нельзя.

Каролина побелела. Потом покраснела ещё сильнее. Посмотрела на Миру так, будто та её ударила. Развернулась и ушла, быстро, почти бегом, задев плечом какого-то пятиклассника.

Мира осталась сидеть на подоконнике с альбомом на коленях. Ей было мерзко. Не потому, что Каролину жалко. Каролину не было жалко ни капельки, напомнила она себе. А потому что она соврала. Легко, быстро, не задумываясь. Как Пит.

Вечером Мира пришла к копям злая.

Пит лежал у подножия скалы и делал вид, что спит. Мира остановилась прямо перед его мордой и сказала вслух, громко, на весь лес:

— Покажи хвост.

Пит открыл один глаз.

«Опять?»

— Опять. Покажи.

«Говори мыслями. Тебя слышно до самого рынка».

— Пусть слышно! — Мира топнула ногой, и Гром на всякий случай отошёл подальше. — Я сегодня из-за тебя соврала Каролине. Нагло соврала, прямо в глаза. Я из-за тебя вру маме каждый день. Вру Макару. Я, может, всю жизнь буду

теперь врать из-за тебя! А ты врёшь мне. Каждый раз. «Всё нормально». «Это иней». «Пролетал мимо». У тебя хвост просвечивает ровно там, где на небе пропали звёзды! Я сравнила, Пит! Ты гаснешь вместе с ними, а говоришь «всё нормально»!

Пит медленно поднялся. Он был выше её в три раза, и когда он вставал вот так, во весь рост, становилось понятно, что он не просто вредная говорящая ящерица. Он был дракон. Настоящий.

«Тебя это не касается», — сказал он.

— Касается!

«Нет. Не касается. Ты человек. — Он сказал это так, как говорят ругательство. — Ты вырастешь и забудешь. Все люди забывают. Через год ты будешь думать, что я тебе приснился. Через два будешь рассказывать подружкам, какая ты была смешная, верила в драконов. Ещё один сон в твоём альбоме — вот кто я. Так какая разница, что у меня с хвостом?»

Мира задохнулась. Она словно снова влетела спиной в чужие куртки, как тогда в раздевалке.

— Я не забываю, — сказала она. Голос дрожал, и она ненавидела его за это. — Я ничего не забываю. Я помню каждый сон. Все до одного. Я помню, какого цвета у тебя прожилки на крыльях и сколько рожек на голове. Я тебя нарисовала уже, наверное, сто раз. У меня пол-альбома тобой изрисовано!

«Альбомы теряются».

— У меня не теряются!

«Люди теряются».

Мира посмотрела на него. В фиолетовых глазах не было ничего: ни злости, ни насмешки. Только что-то очень старое и очень усталое, совсем как во сне. А ещё ледяной сквозняк. Но на этот раз Мира не была уверена, кому он врёт: ей или себе.

— Знаешь что, — сказала она. — Лети в свой Пирит. Где тебя все боятся. Раз там так хорошо.

Она развернулась и пошла вниз по склону, проваливаясь в снег по колено. Гром постоял, переводя взгляд с неё на Пита и обратно, жалобно заскулил и побежал за ней.

Мира не оборачивалась. Она знала: стоит обернуться, увидит, что он смотрит ей вслед. Тогда точно не выдержит.

Сзади, у скалы, не было слышно ни взмаха крыльев, ни вихря. Ничего.

Пит не улетел. Он просто остался стоять там, где стоял, в темноте, у своей ледяной ели.

В субботу Мира проснулась с готовым решением.

Пит не отзывался с вчерашнего вечера. Хвост у него гас, человек в сером ходил по их тропе, а Пит, похоже, собирался исчезать молча. Значит, искать его придётся самой. Когда он улетал, то всегда поднимался над вершиной скалы и пропадал, как если бы нырял в саму гору. А старая копь внизу уходила в ту же гору. Значит, где-то внутри они сходятся.

План был так себе. Но другого у неё не было.

Грома она оставила дома: в копи он бы точно потерялся. Пёс сидел у двери и всем своим лохматым видом говорил, что она предательница.

У скалы было пусто. Пит не показывался, в голове стояла тишина.

Доски на входе почернели от времени, гвозди проржавели насквозь. Мира упёрлась ногой в камень и потянула нижнюю. Доска взвизгнула и подалась. Вторая отошла легче. Из чёрной щели потянуло холодом и мокрым камнем. Ржавая табличка «Опасно!» качнулась и звякнула.

Живот скрутило. Мира постояла, включила фонарик на телефоне и протиснулась внутрь.

Первые шаги были обычные: мокрые стены, сосульки под потолком, лёд хрустит под ногами. Свет дрожал и выхватывал то ржавый рельс, то старую балку. Мира шла медленно, держась рукой за стену.

А потом стена под ладонью стала тёплой.

Мира отдёрнула руку и посветила. Иней на камне таял прямо на глазах и стекал тонкими блестящими дорожками. Чем дальше, тем теплее. Кулон под свитером обжёг кожу.

А стены начали светиться.

Сначала чуть-чуть, еле заметно. Потом сильнее. Глубоко в камне разгоралось фиолетовое сияние, ровное и тёплое, точно такое, как у её кулона, только огромное. Старики не врали. Стены светились.

Мира выключила телефон. Света хватало и без него.

Тут она поняла, что не слышит своих шагов. Она топнула. Ничего. Тоннель впереди уходил вниз, в глубину, где сияние было ярче, и почему-то казалось, что он одновременно идёт вверх.

Было страшно до икоты. А ноги всё равно шли вперёд.

Она сделала ещё шаг.

Кто-то схватил её за капюшон и дёрнул назад так, что ноги оторвались от земли.

Всё закрутилось: сияние, темнота, мокрые стены, серый свет, снег. Мира шлёпнулась в сугроб у входа и только тогда поняла, что снова снаружи. Над ней нависала серебристая морда. Из приоткрытой пасти валил пар: Пит летел изо всех сил.

«Ты, — сказал он. Голос у него срывался. — Ты. Что ты. Делаешь».

«Я хотела узнать, куда ты…»

«НИКОГДА! — рявкнул он так, что у Миры зазвенело в голове. — Слышишь? Никогда больше туда не ходи!»

Таким Мира его не видела никогда. Даже в первый день, когда Гром висел у него на хвосте. Крылья у него дрожали. Когти взрыли снег до самой земли.

«Почему? — прошептала она. — Что там?»

Пит не ответил. Он подцепил когтем отодранные доски, вогнал их обратно в проём и дохнул. Доски покрылись толстым слоем прозрачного льда.

Потом взлетел и ни разу не обернулся.

Мира долго сидела в сугробе. Кулон остывал. Руки тряслись, хотя руки у неё никогда не тряслись.

Издалека, через общую стенку, до неё донеслось то, чего она от Пита ещё ни разу не слышала.

Ему было страшно. Не за себя. За неё.

Глава 7. Тринадцать

Пятнадцатого декабря Мира проснулась раньше будильника, и первой её мыслью было не «мне тринадцать», а «два дня».

Два дня Пит молчал. Раньше он дулся так, чтобы она заметила, а теперь в голове было пусто. К копям Мира больше не ходила: после субботы ей было страшно даже смотреть в сторону горы, а ещё страшнее было прийти и никого не найти. По вечерам она выгуливала Грома вокруг дома, честно, как думала мама, и от этой честности было тоскливее, чем от всего вранья вместе взятого.

Сна в эту ночь не было. Такое случалось нечасто. Мира лежала и не знала, радоваться или пугаться.

Кулон на шнурке был холодный. А живот скрутило ещё до того, как она открыла глаза: тот самый узел, тугой и привычный. День рождения, не день рождения — ему было всё равно.

Из-за двери тянуло ванилью и чем-то подгоревшим, и кто-то громким шёпотом говорил: «Да не так, дай сюда, ты всё уронишь». Мира натянула одеяло на голову и решила, что пока не будет вставать. Пусть у них там всё получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.